DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036

ВЕДУЩИЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ НЕУСТОЙЧИВЫХ ГОСУДАРСТВ МИРА

Мария Лавровна Горбунова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Игорь Дмитриевич Комаров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

21 июля 2019

Принята к печати:

11 декабря 2019

Об авторах:

Горбунова М.Л., д.э.н., доцент,
заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела,
Институт экономики и предпринимательства,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

Горбунова М.Л., заместитель директора по международной деятельности,
Институт международных отношений и мировой истории;
специалист по организационной работе,
Центр технических средств обучения и информатизации,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

e-mail: igor.komarof@gmail.com

Ключевые слова:
центры силы; традиционные центры силы; восходящие центры силы; безопасность; военно-политическая безопасность; продовольственная безопасность; энергетическая безопасность; внешняя торговля; неустойчивые государства; уровень высокой тревожности

Аннотация: В статье исследуются возможности обеспечения традиционными и восходящими центрами силы продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности наименее устойчивых государств мира. Между данными акторами системы международных отношений прослеживается определённая комплементарность, связанная с тем, что негативные экстерналии, формирующиеся внутри и вокруг неустойчивых государств, требуют ресурсов, которые могут быть предоставлены и предоставляются крупнейшими странами – мировыми лидерами. Предположение о том, что ключевой характеристикой центра силы или державы (power) является трансляция вовне военно-политической безопасности, позволяет авторам категорировать в качестве традиционных центров силы – США, ЕС и, с определёнными ограничениями, Японию; в качестве восходящих – Россию, Китай, Бразилию, Турцию, и – в меньшей степени – Индию и Корею. С точки зрения количественных параметров, США, ЕС, Индия и Россия обладают ресурсами для обеспечения продовольственной безопасности, при том, что только Россия единственная из крупнейших держав имеет положительное сальдо в экспорте энергоносителей. Комплексная ресурсность России в контексте «широкой» безопасности поддерживает ее лидерский статус в поддержании мирового порядка. Если рассмотрение поведенческий аспект, то стратегии центров силы в неустойчивых государствах мира в целом соответствуют их ресурсным возможностям, исключение составляют – ЕС и Турция, поставляющие энергоносители, а Турция и зерно – в неустойчивые страны, имея их дефицит. Это может свидетельствовать о реализации данными центрами силы наряду с Россией «донорской» характеристики, выделяемой в литературе для восходящих держав современного миропорядка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета в рамках научного проекта "Исследование механизмов формирования условий и обеспечения безопасности в макрорегионах Евразии"

Традиционные и восходящие центры силы – ключевые субъекты системы международных отношений, взаимодействие которых определяет состояние мирового порядка. На другом полюсе находятся так называемые «недееспособные» или – в менее негативной коннотации – неустойчивые государства (*failed or fragilestates*), суверенитет и субъектность которых ослаблены в результате эндогенных и экзогенных проблем. Рассуждая в логике конструктивизма применительно к международным отношениям, именно неустойчивые государства формируют одно из «полей» глобального пространства, которые позволяют центрам силы проявить свой потенциал и ответственность, применяя жёсткую и мягкую силу (*hard and soft power*). Ведущие акторы системы международных отношений – не все из которых являются центрами силы– оказывают влияние на проблемные страны, обеспечивая их ресурсами для поддержания стабильности и развития и обеспечивая при этом реализацию своих геополитических приоритетов. Таким образом, авторы пытаются проанализировать власти/силы (power) ведущих стран мира, транслируемую в систему международных отношений, в соответствии с концепцией Дж. С. Ная о ресурсном и поведенческом понимании экспликации власти[1].

Авторы используют данные межгосударственной торговли зерном (10 группа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности – далее ТН ВЭД), продукцией топливно-энергетического комплекса (27 группа) и вооружениями (93 группа), для изучения вопросов межгосударственного «трансфера» продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности, оценивая ресурсное состояние ведущих центров силы как доноров, а неустойчивых государств как получателей. Оценка внешнеторгового потенциала глобальных лидеров по указанным товарным группам дает представление об их возможностях по передаче другим странам ресурсов стабильности, роста и безопасности, а их участие в решении проблем того или иного неустойчивого государства (*fragile states*) позволяет оценить поведенческий аспект проявления их власти / силы (*power*) во внешнеполитической сфере.

Ведущие центры силы и неустойчивые государства: ресурсные и поведенческие аспекты включенности в систему международной безопасности

Существующий запрос на формирование нового, многополярного мирового порядка напрямую связан с выдвижением на ключевые роли в системе международных отношений новых (восходящих) центров силы, как это отмечено в монографии влиятельного американского политолога, Президента Совета по международным отношениям Ричарда Хааса «Мировой беспорядок»[2]. Сходного мнения придерживаются в своих недавних исследованиях Т.В. Боттелье[3], А. Кабандула, Т.М. Шоу[4]. По мнению Р. Хааса, среди проблем, благодаря которым современное состояние системы международных отношений характеризуется им как отсутствие порядка – несостоявшиеся государства (Афганистан, Ирак, Йемен, Ливия и Сирия), внутренние военные противостояния в которых ведут к гибели гражданского населения или его массовой эмиграции. Таким образом, эти государства, признаваемые «недееспособными» или «неустойчивыми»,оказывают существенное негативное влияние на региональную и глобальную нестабильность. Это, по мнению У. Шнекенера, связано с тем, что неустойчивые, слабые государства не только не гарантируют легитимного общественного порядка в пределах своих границ, находясь в

[1] Nye, J.S. Jr. The Future of Power, New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

[2] Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. №4 С. 34-47. [Haas, R. Jepoha bespoljarnogo mira (The Age of the Non-Polar World) // *Rossija v global'noj politike (Russia in global politics*), 2008, Vol. 6(4), pp. 34-47]; Haas, R.A World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguine Press, 2017. 352 p.

[3] Bottelier, T.W. Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review*, 2017, 39 (5), pp. 751-769.

[4] Kabandula, A., Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly,* 2018, pp. 1-20.

противоречии с системой обеспечением глобальной стабильности[5]. В связи с этим, полноценный переход к новому мировому порядку не может осуществлен без умиротворения и стабилизации слабых государств, что может быть обеспечено внешним содействием ведущих центров силы.

Это делает актуальными исследования, развивающие представления о традиционных и восходящих центрах силы, их характеристиках и динамике взаимодействия между ними в приложении к неустойчивым государствам. Среди исследователей не существует однозначного мнения, о том какие критерии лежат в основе причисления государств к данной категории и какие страны таким образом являются настоящими, а не символическими центрами силы. Среди исследователей нет сомнений только по поводу того, что США являются традиционным центром силы, сверхдержавой (*great power*), ядром однополярного миропорядка, находящегося в длительном упадке. К восходящим центрам силы чаще всего относят страны БРИК (без ЮАР) – Бразилию, Россию, Индию и Китай[6]. Ряд исследователей, среди которых например – Ш. Хамеири, Л. Джонс и Дж. Хизершоу – добавляют к этому списку Индонезию, Саудовскую Аравию и Турцию, чей экономический и стратегический вес также существенно вырос в последнее время[7]. Э.Ф. Купер и А.С. Александрофф[8] выдвигают гипотезу о том, что в настоящее время статус восходящего центра силы формируется не в результате войн, а за счет участия во вновь возникающих неформализованных межгосударственных институтах глобального управления таких, как «Группа двадцати» (*G20*) и БРИКС. Несколько иной подход предложен Е. Парлар Далом и С. Дипамой[9], которые определяют понятие «восходящий центр силы» эмпирическим путём, отождествляя его с новым типом доноров, представляющих Глобальный Юг и обладающих существенными экономическими, военными и/или политическими возможностями, выделяя в контексте исследования вариант достижения статуса сверхдержавы за счет оказания помощи, реализуемый такими государствами как Китай, Россия, Бразилия, Индонезия, ЮАР, Турция, Мексика, Индия и Аргентина, за пределами анализа среди участников «Группы двадцати», не входящих в «Группу семи» остаются, таким образом, Иран, Саудовская Аравия и Южная Корея.

Отдельным образом анализируется взаимодействие традиционных и новых центров силы. А.В. Шелепов[10], К. Бранди[11] обращают внимание на то, что восходящие центры силы сталкиваются (вступают в конфронтацию) с мировым порядком, сформированным США и их союзниками. Недовольство восходящих

---

5 Schneckener, U. Fragile Statehood, Armed Non-State Actors and Security Governance. Private Actors and Security Governance / Bryden A. and Caparini M. (Eds.). Yearbook 4. Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF), 2006. Pp. 23-40. Mode of access: https://gsdrc.org/document-library/private-actors-and-security-governance/

6 Типичной в этом смысле является статья Bottelier, T.W. Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review*, 2017, No. 5, pp. 751-769. Авторы статей, опубликованных после присоединения ЮАР к БРИКС, не включают ее в перечень восходящих центров силы – Прим. авторов.

7 Hameiri, S.; Jones, L.; Heathershaw, J. Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy // *Third World Quarterly*, 2019, Iss. 8, pp. 1-20.

8 Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics,* 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

9 Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking Through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs,* 2019, Iss. 4, pp. 1-22.

10 Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10(4). С. 7-28. [Shelepov, A.V. BRIKS i mezhdunarodnye instituty: modeli vzaimodejstvija v processe osushhestvlenija mnogostoronnego upravlenija (BRICS and International Institutions: Models of Interaction in the Process of Implementing Multilateral Governance) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* (Bulletin of international organizations), 2015, Vol. 10 (4), pp. 7-28].

11 Brandi, C. Club Governance and Legitimacy: The Perspective of Old and Rising Powers on the G7 and the G20 // *South African Journal of International Affairs,* 2019, No. 4, pp. 685-702.

центров силы институтами, сформированными преимущественно западными странами в период, предшествующий распаду колониальной системы, ставит легитимность ключевых международных организаций под сомнение и ведет к формированию предпосылок для создания странами БРИКС параллельного миропорядка со своей системой глобального управления. Изучив более подробно конфликтные или протест (contestation) аспекты отношений между существующими и новыми центрами силы, Э. Ньюман и Б. Зала[12] обращают внимание на необходимость взвешенной интерпретации в изучении этого противостояния, показывая, что чаще недовольство существующими институтами, созданными коллективным Западом, связано с вопросами представительства и участия в системе принятия решений, а не содержанием продвигаемых ими норм и правил. Д.В. Ларсон обращает внимание на то, что восходящие центры силы – страны БРИКС – конкурируют друг с другом за более высокий статус в международных делах, пытаясь подняться в глазах Запада. Соперничество России, Индии и Китая, по мнению автора, оказывают неоднозначное влияние на сотрудничество государств в системе глобального управления[13].

Альтернативная точка зрения о том, что отношения между БРИКС и странами «Группы семи» являются взаимодополняющей, а не конкурентной представлена в работах Р. Такура[14] и У. Робинсона[15].

Дж. Калп[16] в своем исследовании выдвигает и опровергает гипотезу о том, что восходящие центры силы – в статье рассматриваются Бразилия, Китай и Индия – не ведут себя как глобальные ответственные лидеры в вопросах поддержания глобальных общественных благ: чистой окружающей среды, реализации политики свободной торговли и защиты прав человека. Более того, автор указывает, что именно новые центры силы формируют такое важное общемировое благо как «международный политический дискурс», под которым автор понимает «процессы формирования мнения и воли, в которых официальные или официально признанные политические агенты, такие как представители государств, обмениваются мнениями о своих взглядах относительно того, что эмпирически имеет место и что должно быть сделано, кем и как»[17]. Ф. Мельничук подчеркивает общую ценностную ориентированность стран БРИКС, которых чаще всего рассматривают как восходящие центры силы, на необходимость придания системе глобального управления многополярного и развивающего контекста[18]. В русле данной постановки вопроса, Е. Парлар Дал и С. Дипама[19]показывают, что восходящие центры силы отличает стремление развивать кооперацию по линии «Юг–Юг» (*South-South Development Cooperation*) – большинство из них рассматривают, с поправкой на государственную идентичность, развитие сотрудничества в формате экономической помощи, а не как коммерчески-ориентированного взаимодействия в качестве стратегии достижения (формирования) статуса «сверхдержавы» (*great power*).

Роль восходящих центров силы как провайдеров безопасности также активно исследуется. С. Гхимир[20] исследует поведение Бразилии, Китая и Индии в сфере поддержания

[12] Newman, E.; Zala, B. Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational // *Third World Quarterly,* 2017, No. 5, pp. 871-888.

[13] Larson, D.W. Status Competition among Russia, India, and China in Clubs: a Source of Stalemate or Innovation in Global Governance // *Contemporary Politics,* 2019, No. 5, pp. 1-18.

[14] Thakur, R. How Representative Are BRICS? // *Third World Quarterly,* 2014, Vol. 35(10), pp. 1791-1808.

[15] Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: A Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

[16] Culp, J. How Irresponsible Are Rising Powers? // *Third World Quarterly,* 2016, Vol. 37(9), pp. 1525-1536.

[17] Ibid. P. 1526.

[18] Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly,* 2013, No. 6, pp. 1075-1090.

[19] Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs,* 2019, No. 4, pp. 1-22.

[20] Ghimire, S. Rising Powers and Security: a False Dawn of the Pro-south World Order? // *Global Change, Peace & Security,* 2018, No. 1, pp. 37-55.

мира и обеспечения безопасности в русле теории глобального транзита власти (*power transit*) А.Ф.К Органски[21] и его последователей и обращает внимание на наличие как позитивного, так и негативного взаимодействия данных стран с США и европейскими державами, которые имеют последствия для Глобального Юга. По мнению автора, новые центры силы редко сотрудничают с западными на местах – исключение составляет взаимодействие под эгидой ООН. Однако он же обращает внимание на то, что в некоторых случаях восходящие державы опережали западные или навязывали свою повестку в разработке своих собственных программ, приводя примеры плана действий Бразилии в Гвинее-Бисау, Индии в Непале, Китая – в Судане. С. Гхимир делает довольно критические обобщения в отношении поведения восходящих центров силы: так, на глобальном уровне – они склонны к преследованию групповых интересов, саботажу решений и процедур международных институтов и в то же время к постепенной и выборочной ассимиляции с действиями западных стран; на региональном уровне – к продвижению общих ценностей, отличных от Запада; ситуативному взаимодействию с традиционными центрами силы и гегемонии в регионе; на уровне акторов системы международных отношений – экстрактивно-ориентированное поведение, упор на ценности и заискивание перед местными политическими кругами, внешняя политика в духе Realpolitik[22].

Также рассуждая в критическом ключе, С. Дестради[23] ставит вопрос о том, насколько эффективны новые центры силы 21-го века в решении региональных проблем безопасности, рассматривая участие Бразилии в миссиях на Гаити и в Колумбии, а Индии – в Непале и Афганистане. По ее мнению, восходящие центры силы, несмотря на их экономические успехи, проактивную внешнюю политику и претензии на сверхдержавный статус, не оправдывают ожидания по поводу их более эффективного участия не только в решении глобальных проблем безопасности, но и на уровне регионального кризис-менеджмента.

В контексте данного исследования особое место занимает проблематика неприятия восходящими центрами силы стигматизирующих категорий «недееспособное» (*failed*) или «неустойчивое» (*fragile*) государство[24] – при этом, по мнению обращающего на это внимание С. Гхимира, проблемные страны извлекают выгоду из появления новых держав, потому что они бросают вызов традиционным центрам силы, и, следовательно, помогают сбалансировать их влияние на внутренние проблемы небольших стран, обеспечивая небольшим странам удобную позицию в переговорах с обеими сторонами.

Гораздо менее, чем восходящие центры силы или сверхдержавы концептуализированы и выделены традиционные и восходящие державы «среднего уровня». Чаще всего они самоидентифицируются путем, описанным в работе Э.Ф. Купера и А.С. Александроффа[25] – через создаваемые неформализованные объединения, в качестве примера можно привести группу МИКТА, объединяющую Мексику, Индонезию, Республику Корея, Турцию и Австралию[26]. Другая часто объединяемая воедино группа стран – МИНТ (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция), представители которой тем не менее никогда не собирались

[21] Organski, A.F.K. World Politics. New York: Alfred A. Knopf, 1958. P. 461.

[22] Ibid. P. 18.; Ghimire, S. Rising Powers and Security: A False Dawn of the Pro-South World Order? // *Global Change, Peace & Security,* 2018, No. 1, pp. 37-55;

[23] Destradi, S. Reluctant Powers? Rising Powers' Contributions to Regional Crisis Management // *Third World Quarterly*, 2018, Iss. 12, pp. 1-20.

[24] Ghimire, S. Rising Powers and Security: A False Dawn of the Pro-South World Order? // *Global Change, Peace & Security,* 2018, No. 1, p. 12.

[25] Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

[26] Шлыков П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: Феномен МИКТА // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 127-144 [Shlykov, P.V. Poisk transregional'nyh al'ternativ v Evrazii: Fenomen MIKTA (Search for trans-regional alternatives in Eurasia: The phenomenon of MIKTA) // *Comparative Politics Russia*, 2017, Vol. 8 (4), pp. 127-144]; Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, No. 1, pp. 1-8.

вместе в отличие от первого объедения – связывает между собой перспективные в демографическом отношении рынки с высокой долей трудоспособного населения, воспринимаемые в мире как следующие БРИКС[27]. Фокусирующееся на державах «среднего уровня» исследование Э. Джордаана[28] причисляет к списку традиционных держав «среднего уровня» Австралию, Канаду, Нидерланды, Норвегию, Швецию, а к восходящим – Аргентину, Малайзию, Нигерию, Турцию и даже Бразилию и ЮАР. Кроме того, в исследовании выделяется общая черта таких государств – внешнеполитическое поведение, который стабилизирующее и легитимизирующее глобальный порядок, как правило, через участие в многосторонних и совместных инициативах[29].

А. Кабандула и Т.М. Шоу в своем исследовании «Восходящие центры силы и Африканский рог»[30] делают следующее логическое построение: в связи со снижением удельного веса ЕС и США в мировой экономике, многие растущие экономики, такие как Турция и БРИКС предъявляют беспрецедентный спрос на минеральные и энергетические ресурсы, что придает новое геополитическое значение странам Африканского рога как обладающим обширными природными ресурсами. Экономически привлекательный для центров силы макрорегион является проблемным, многие его государства, на что обращают внимание американские авторы, находятся во главе «Индекса неустойчивых (хрупких) государств мира» (*Fragile States Index*) Фонда мира (*Fund for Peace*)[31], испытывая проблемы не только в сфере традиционной и нетрадиционной безопасности, но и трудности в обеспечении водными, продовольственными и энергетическими ресурсами.

Исследования турецких ученых Т. Огузлу[32], М. Озкана[33], Э. Парлара Дала[34] являются своего самоидентификацией Турции как центра силы в научном пространстве. Т. Огузлу[35] выделяет особенности Турции как восходящего центра силы, функционирующего в рамках действующего мирового порядка и, в отличие от других новых держав-претендентов глобального и среднего уровня, имеющих прочные институциональные отношения с западными державами, в первую очередь, в рамках НАТО. Кроме этого, Т. Огузлу выявляет важный для Турции и всего Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока тренд, проявившийся уже в 2013 г., когда стремление США в период администрации Б. Обамы переориентироваться на Азию привело к нарастанию проблем в макрорегионе, в решении которых Турция должна взаимодействовать с Европейским союзом на фоне практически остановившегося процесса экономической интеграции между этими акторами. Эти противоречия привели к плохо скрываемому недовольству Турцией действиями НАТО, ответственность за решения которого она вынуждена разделять.

Э. Парлар Дал[36],используя инструмента-

[27] Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, No. 1, pp. 1-8.

[28] Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon,* 2003, 30 (1), pp. 165-181.

[29] Ibid. P. 165.

[30] Kabandula, A.; Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly,* 2018, No. 12, pp. 1-20.

[31] Fund for Peace. Fragile States Index / Annual Reports, 2009-2016, 2019, Washington, the Fund for Peace, 2019. Mode of access: https://fragilestatesindex.org/wp-content/uploads/2019/03/9511904-fragilestatesindex.pdf

[32] Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies*, 2013, 14 (4), pp. 774-796.

[33] Ozkan, M. Does "Rising Power" Mean "Rising Donor"? Turkey's Development Aid in Africa // *Africa Review*, 2013, No. 2, pp. 139-147.

[34] Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics,* 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

[35] Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies,* 2013, No. 4, pp. 774-796.

[36] Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*, 2019, No. 5, pp. 1-17.

рий теории социальной идентичности, оценивает влияние позиционирования Турции в кругу держав «среднего уровня», участвующих в «Группе двадцати» (*G20*) – Австралии, Бразилии, Канады, Кореи, Мексики и ЮАР[37], приходя к выводу о неэффективности стратегии самоидентификации Турции, приводящей к тому, что достигнутый страной статус приводит к недооценке ее реальной роли в неформализованном объединении. М. Озкан[38]оценивает роль Турции в системе экономической помощи африканским странам как отражение реализации «донорской» стратегии, характерных для восходящих центров силы, обращая внимание на стремление государства к большей вовлеченности в политические процессы и обеспечение безопасности – сферы, контролируемые, по мнению автора, традиционными центрами силы.

Обзор литературы по тематике исследования позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, появление в 2017-2019 гг. значительного количества работ, анализирующих и концептуализирующих вопросы, связанные с традиционными и восходящими центрами силы, свидетельствует о нарастающей актуальности данной проблематики в общем массиве исследований состояния и перспектив современного миропорядка.

Во-вторых, в ходе изучения литературы выявлено, что европейские страны по отдельности не рассматриваются в качестве центров силы ни в одной из рассмотренных статей, в связи с этим, авторы полагают необходимым учесть их роль в системе международных отношений за счет включения в поле анализа их объединения – Европейского союза – в качестве крупнейшего актора системы международных отношений. Авторы полагают, что уровень сформированности европейской идентичности дает возможность рассматривать Европейский союз как однородный центр силы, не имеющий существенных внутренних противоречий во внешнеполитической сфере.

В-третьих, развивая существующие исследования ведущих центров силы, авторы полагают целесообразным дать количественную оценку влияния центров силы на проблемные государства в контексте обеспечения «широкой» безопасности, что является основной целью данной работы. Под «широкой» безопасностью авторы понимают наличие условий для решения комплексной проблемы обеспеченности продовольствием, энергией и водой (water, energy, food and climate nexus) вкупе с формированием военно-политической стабильности, как это концептуализировано в упомянутом выше исслед Уэлча, Г. Расула и Б. Шармы[39]. В русле гипотезы Э.Ф. Купера и А.С. Александроффа[40] о первичной самоидентификации центров силы в рамках неформализованных межгосударственных объединений, авторы предполагают рассмотреть вопросы обеспечения традиционными и восходящими центрами силы продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности участниками подобных образований – «Группы семи», БРИКС, МИКТА.

Оценка ресурсных и поведенческих аспектов включенности центров силы в продовольственную, энергетическую и военно-политическую безопасности наиболее неустойчивых государств

Методология исследования. Работа основана на использовании интерпретационного потенциала методов дескриптивной статистики в анализе международных отношений, так как концептуализация взаимодействия центров силы в их приложении

[37] Авторы придерживаются иной категоризации Бразилии, Канады и ЮАР в контексте классификации центров силы (держав), полагая, что Канада, являющаяся участницей «Группы семи», представляет собой традиционный центр силы, в то время как указанные страны БРИКС

[38] Ozkan, M. Does “Rising Power” Mean “Rising Donor”? Turkey’s Development Aid in Africa // *Africa Review*, 2013, No. 2, pp. 139-147.

[39] Nye, J.S. Jr.; Welch, D.A. Understanding Global Conflicts and Cooperation. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 2012. 338 p.; Rasul, G.; Sharma, B. The Nexus Approach to Water–Energy–Food Security: An Option for Adaptation to Climate Change // *Climate Policy*, 2015, Iss. 16(6), pp. 682-702.

[40] Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of “Leader-Focused Status” in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics,* 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

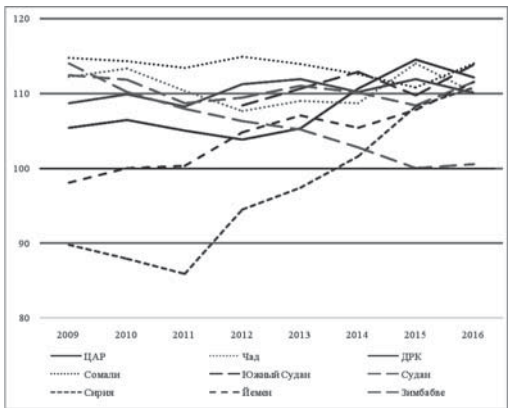
к неустойчивым государствам строится на обобщении данных внешнеторговой статистики стратегическими группами товаров. При этом, несмотря на то, что нейтральный характер экономических данных не дает возможность оценить взаимодействие ведущих акторов системы международных отношений как кооперационное или конкурентное, однако в то же время позволяет определить сферы их политической ответственности и/или экономических интересов, степень вовлеченности в решение проблем наименее устойчивых государств в абсолютном и относительном выражении.

Данные исследования. С учетом анализа литературы, с ресурсной стороны влияния были выделены следующие группы стран: США, ЕС-28, Канада и Япония, представляющие «Большую семерку» (*G7*), участники БРИКС (*BRICS*) и МИКТА (MIKTA). Для формирования выборки неустойчивых государств за основу были взяты данные рейтинга Фонда мира (*Fund for Peace*) «Индекс неустойчивых (хрупких) государств мира» (*Fragile States Index*)[41] в 2009-2016 гг. (покрывающие период пребывания у власти 44-го Президента США Б. Обамы). Рассмотренные авторами Демократическая Республика Конго (ДРК), Зимбабве, Йемен, Сирия, Сомали, Судан (до 2012 г. – объединенный), Центральноафриканская республика (ЦАР), Чад, Южный Судан (самостоятельно фигурирующий в статистике с 2012 г.) в разные годы рейтинга входили в наиболее проблемную группу государств, характеризуемой уровнем очень высокой тревожности (*Very High Alert*), поскольку имели индекс неустойчивости более 100 баллов (см. *Рис. 1*).

Данные *Рис. 1* показывают динамику оценки устойчивости стран в соответствии с рейтингом Фонда мира в период 2009-2016 гг., в таких странах как ДРК, Сомали, Судан, Чад и Южный Судан наблюдается стабильно-тяжелая ситуация, положение Зимбабве улучшается, в то время как ситуация в Йемене, Сирии и ЦАР ухудшается.

Рисунок 1

Динамика оценки неустойчивости государств – очень высокий уровень тревожности (Very High Alert)[42]



Graph 1. The dynamics of assessing instability of states – a very high level of anxiety (Very High Alert)

Результаты исследования. Во всех приведенных ниже таблицах представлены данные – чистое сальдо – межгосударственной торговли зерном (10 группа ТН ВЭД), продукцией топливно-энергетического комплекса (27 группа) и вооружениями (93 группа). Положительная величина показателя означает чистый экспорт ведущего центра силы, наблюдаемый в торговле продукцией выбранной товарной группы, которая может быть интерпретирована как наличие ресурса соответствующего типа, отрицательная величина соответствует чистому импорту и показывает заинтересованность в приобретении ресурса извне или, по крайней мере, отсутствие объективных, рациональных предпосылок для его трансфера.

Ресурсные возможности ведущих западных акторов системы международных отношений в сфере «широкой» безопасности обобщены в *Таблицах 1–3* и могут быть интерпретированы следующим образом. США и ЕС имеют возможности влияния по линии продовольственного обеспечения и поставки вооружений (необязательно в

[41] Fund for Peace. Fragile (Failed) States Index. Annual Reports, 2009-2016 / Washington, the Fund for Peace, 2009-2016. Mode of access: https://fragilestatesindex.org/wp-content/uploads/2019/03/9511904-fragilestatesindex.pdf

[42] Fund for Peace. Fragile (Failed) States Index. Annual Reports, 2009-2016 / Washington, the Fund for Peace, 2009-2016. Mode od access: https://fragilestatesindex.org/wp-content/uploads/2019/03/9511904-fragilestatesindex.pdf

Таблица 1.

Продовольственная безопасность: чистое сальдо группы 10 «Злаки», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	15232,2	18047,6	26029,4	17295,8	15939,2	19391,8	15999,6	16627,3
ЕС-28	1643,3	3306,0	2321,3	1378,9	4978,4	4030,8	4768,7	3281,7
Канада	5492,9	4888,8	6340,1	6833,4	7355,6	7870,7	6510,6	4918,8
Япония	-6567,6	-6924,2	-9629,5	-8689,9	-8549,3	-6907,1	-5914,1	-5293,7

Table 1. Food Security: Group 10 Cereals Net Balance, $ Million
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 2

Энергетическая безопасность: чистое сальдо 27 группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», млрд долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	-224,2	-282,5	-332,2	-295,4	-240,5	-202,7	-96,6	-69,1
ЕС-28	-324,7	-404,9	-548,0	-542,2	-503,1	-446,6	-269,7	-210,1
Канада	41,8	52,6	62,8	65,0	70,2	81,0	48,1	37,0
Япония	-142,0	-186,1	-258,4	-289,1	-264,9	-246,3	-116,9	-101,5

Table 2. Energy security: net balance of group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes, billion dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 3

Военно-политическая безопасность: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	578,5	1192,0	1250,6	854,9	883,3	1272,4	1970,5	1960,1
ЕС-28	2088,1	1722,4	1796,7	2581,2	3216,9	2943,9	3896,1	3424,5
Канада	-175,1	-157,1	-349,3	-252,2	-269,3	-249,7	-176,8	-143,2
Япония	57,4	-213,5	-63,0	-35,5	62,3	105,3	-4,7	-18,5

Table 3. Military-political security: net balance of the 93 group "Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

коммерческом смысле[43]). По мнению авторов, очевидно стремление США перейти в ресурсное состояние в сфере энергетики за счет возврата к положительному сальдо внешней торговли продукцией ТЭК: за наблюдаемый период отрицательное сальдо США по 27 группе сократилось более чем в три раза в абсолютном выражении. Канада является собой пример страны, которая специализируется в экспорте злаков и продукции ТЭК, в то время как ее сальдо торговли оружием отрицательно, что не позволяет говорить о ней как о «центре силы» в узком смысле. Ситуация Японии такова, что она сама нуждается в продовольствии и энергоносителях, а ее специализация в сфере вооружений спорадическая, что может быть объяснено тем, что она могла бы играть роль центра силы, но ее ресурсы связаны региональными проблемами безопасности.

[43] Данные Базы торговой статистики ООН *(UN Comtrade Database*) показывают перемещение товаров через границу как в коммерческих, так и в некоммерческих целях.

В отношении ресурсов стран БРИКС (*Таблицы 4–6*) можно отметить следующее. В данную группу входит Россия – страна с уникальной для всех анализируемых ведущих акторов системы международных отношений ситуацией, которая позволяет ей быть гарантом по всем направлениям «широкой» безопасности. Дефицитное сальдо внешней торговли продукцией ТЭК характерно для всех остальных стран БРИКС (*Таблица 5*).

Бразилия и Индия, в отличие от КНР и ЮАР, могут участвовать в обеспечении других стран зерном. Амбиции «центра силы» прослеживаются у всех стран БРИКС, с учетом того, что ЮАР не представляет в ООН данные по внешней торговле товарами 93 группы, в наибольшей степени – у Бразилии, что связано с наличием значимых конкурентных преимуществ страны в производстве продукции машиностроения.

Таблица 4

Продовольственная безопасность: чистое сальдо группы 10 «Злаки», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	-133,0	544,9	1660,2	4178,0	3955,9	2048,8	4149,6	1796,3
КНР	-258,0	-961,8	-1407,3	-4307,6	-4539,8	-5729,5	-9026,2	-5231,9
Индия	2973,7	2807,4	5358,5	8710,5	11572,0	10039,3	6686,5	5062,6
Россия	3217,1	2179,1	4067,6	5751,4	4120,4	6562,6	5323,7	5257,7
ЮАР	-257,2	-159,2	-87,5	-573,0	-185,9	-189,0	-722,8	-935,6

Table 4. Food Security: Group 10 Cereals Net Balance, $ Million
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 5

Энергетическая безопасность: чистое сальдо 27 группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», млрд долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	-2,60	-6,54	-10,35	-8,77	-23,41	-19,84	-8,37	-3,56
КНР	-103,59	-162,29	-243,49	-282,05	-281,43	-282,34	-170,70	-149,66
Индия	-58,64	-72,86	-100,80	-131,32	-114,62	-114,60	-73,25	-61,59
Россия	187,79	259,85	347,12	364,80	368,39	342,08	213,11	144,23
ЮАР	-7,62	-6,88	-9,89	-11,59	-12,10	-13,84	-5,58	-2,95

Table 5. Energy security: net balance of group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes", «billion dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 6

Военно-политическая безопасность: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	310,3	251,6	258,5	288,4	314,5	253,8	326,0	307,9
КНР	58,7	94,5	109,0	129,6	154,3	155,1	162,6	125,8
Индия	-10,2	6,0	-0,9	-13,7	9,9	48,6	85,4	60,4
Россия	435,9	2177,5	3358,1	3383,2	4156,9	100,5	1409,4	1928,1

Table 6. Military-political security: net balance of the 93 group "Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Среди стран МИКТА, данные по которым представлены в *Таблицах 7–9*, только Австралия обладает избыточными продовольственными ресурсами. Авторы полагают, что отрицательное сальдо в торговле зерном ослабляет восходящие державы «среднего уровня», делая их внутреннюю стабильность зависимой от внешних акторов и конъюнктуры мирового рынка, что может оказаться критическим фактором, как показали события «арабской весны». Австралия и Индонезия, как и Мексика до 2015 г., имеют положительное сальдо в торговле энергоносителями. В качестве «центров силы» в данной группе выделяются зависимые от внешних поставщиков зерна и продукции ТЭК Республика Корея и Турция, а также растущие военные аппетиты Индонезии. Как показал обзор литературы, именно Турция реализует выраженные внешнеполитические амбиции и реализует их на Ближнем Востоке и в Африке.

Таблица 7

Продовольственная безопасность: чистое сальдо группы 10 «Злаки», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мексика	-2661,0	-2987,2	-5133,9	-5002,3	-3790,8	-3636,6	-3416,6	-3324,0
Индонезия	-1483,9	-2139,3	-4742,8	-3694,1	-3609,5	-3591,8	-3099,0	-3179,7
Респ.Корея	-2862,7	-3331,3	-4618,7	-4598,9	-4828,4	-4199,8	-3702,2	-3206,4
Турция	-997,5	-707,5	-1821,6	-1344,3	-1824,5	-2213,4	-1556,3	-1047,8
Австралия	4226,1	4510,6	7893,9	8464,8	7877,2	7231,4	6264,7	4947,8

Table 7. Food Security: Group 10 Cereals Net Balance, $ Million
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 8

Энергетическая безопасность: чистое сальдо 27 группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», млрд долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мексика	14,7	17,0	20,7	18,8	15,8	8,3	-3,9	-7,0
Индонезия	13,9	19,2	28,1	20,6	11,9	7,2	9,6	8,6
Респ.Корея	-67,9	-90,0	-120,6	-128,7	-126,3	-123,0	-70,3	-54,3
Турция	-26,0	-34,0	-47,6	-52,4	-49,2	-48,8	-33,3	-24,0
Австралия	24,5	33,9	36,3	30,6	24,6	27,7	25,7	31,0

Table 8. Energy security: net balance of group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes", billion dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 9

Военно-политическая безопасность: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мексика	-38,5	-56,0	-42,0	-58,2	-31,5	-33,4	-50,4	-11,3
Индонезия	-39,7	-152,2	-97,1	-116,8	-142,9	-374,9	-291,3	-558,2
Респ.Корея	-26,6	-233,6	-114,0	80,0	94,0	166,1	126,3	-106,3
Турция	26,4	35,3	115,1	126,7	242,7	349,4	255,1	308,2
Австралия	-263,3	-305,9	-531,9	-370,9	-310,5	-399,0	-242,0	-386,6

Table 9. Military-political security: net balance of the 93 group "Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таким образом, обобщение данных по ресурсным возможностям ведущих системы международных отношений – держав глобального и среднего уровня – в сфере «широкой» безопасности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, приведенные данные внешнеторговой статистики дают возможность категорировать среди рассмотренных крупнейших государств и одного объединения в качестве центров силы «в узком смысле» акторов, имеющих положительное сальдо в торговле вооружениями – США, Европейский союз, Россию, Китай, Бразилию, Турцию и, с определёнными ограничениями, Индию, Японию и Республику Корея. Во-вторых, данные показывают, что Россия, единственная среди рассмотренных акторов, обладает естественной специализацией в поставках зерна, продукции ТЭК и вооружений, что подтверждает, с одной стороны, ее способность обеспечивать «широкую» безопасность на международной арене при минимуме союзников, с другой стороны, взаимодополняемость ее ресурсов с ресурсами остальных выявленных центров силы и «обычных» держав глобального и среднего уровня. В-третьих, обращает на себя внимание однородность состава группы БРИК[44] как неформализованного объединения, состоящее только из восходящих центров силы глобального уровня.

Далее авторы предполагают оценивать степень влияния проанализированных выше ведущих акторов системы международных отношений в государствах, характеризуемых очень высоким уровнем тревожности (*Very High Alert*) в рейтинге неустойчивых государств, выполнив анализ внешнеторговых потоков по указанным товарным группам – интерпретируемым как прокси-переменные параметров трансфера военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности внешними акторами. Данные, представленные в *Таблицах 10–12*, также на основе базы торговой статистики ООН (*UNComtradeDatabase*)[45].

Анализ торговли зерном, межгосударственных товарных потоков 10 группы ТН ВЭД (см. *Таб. 10*), показывает, все без исключения ведущие государства (при наличии торговых потоков) имеют положительное сальдо с неустойчивыми, то есть являются провайдерами продовольственной безопасности, реализуя свои ресурсные возможности, стабильное исключение составляет Турция, являющаяся нетто-импортёром зерна. Эти, хотя и ограниченные, данные внешнеторговой статистики позволяют выделить общую для всех рассмотренных наименее устойчивых государств черту – зависимость от поставок зерна, что как и в случае развивающихся стран-участниц МИКТА, говорит об их уязвимости их социальной стабильности в случае высоких мировых цен на зерно.

США представлены во всех странах: наиболее крупные поставки осуществлялись в Йемен, Сирию и Судан, лидерство наблюдалось в ЦАР, Чаде и Южном Судане. Европейский союз осуществляет наиболее крупные поставки в Демократическую Республику Конго, Йемен и Сирию. Канада является ключевым импортером зерна в Судане. Показательны крупные поставки Японии в Судан, страна занимает среди импортеров третье место после Канады и России. Если сопоставить этот результат с данными *Таблицы 11*, можно увидеть, что именно в Судане Япония закупает наибольшее количество нефти. Таким образом, в ДРК, Сирии, Судане, ЦАР, Чад и Южном Судане страны «Группы семи» имеют превосходство в сфере поставок зерна. В Зимбабве лидируют страны БРИКС за счет поставок из Южно-Африканской Республики, в Йемене (за счет Индии и Российской Федерации) и в Сомали (за счет Индии). Китай представлен в Зимбабве и занимает второе место после США в поставках зерна в страны, нетто-экспортеры нефти – Чаде и Южном Судане.

[44] Отсутствие данных по ЮАР не умаляет значимости данного обобщения: как следует из обзора литературы, даже в исследованиях, выполненных после вступления ЮАР в БРИКС, авторы не начали «автоматически» относить республику к восходящим центрам силы. – Прим. авторов.

[45] UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/. *Приведенные данные являются «зеркальными» для рассмотренной группы неустойчивых государств: авторы обобщили статистику их поставщиков и покупателей, в связи с тем, что статистика государств имеет пробелы.*

Таблица 10

Участие в обеспечении продовольственной безопасности: 10 группа «Злаки»*

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Группа семи									
США	39,8	8,5	944,5	517,6	17,9	280,7	4,1	21,1	30,4
ЕС-28	345,7	46,4	1219,2	1038,6	4,4		0,5	2,6	0,0
Канада	9,3		0,4	35,2	0,0	763,7			0,0
Япония	3,3					617,6			
БРИКС									
Бразилия	0,3	0,0	47,6	26,8	0,1	19,6			
Россия	74,1	23,0	1044,7	463,4		659,6		0,6	
Индия	0,1	8,1	1436,4	147,3	371,5	176,6	0,8	0,3	
КНР	4,9	26,0	5,1	7,4		0,3		5,6	4,1
ЮАР	28,9	619,8	0,6		10,6	2,1		0,2	
МИКТА									
Мексика		57,0	0,0	0,0		0,0			
Индонезия				0,1					
Корея		0,0				0,0			
Турция			12,9	200,3	0,0	15,2			
Австралия		8,9	1661,4	11,8		1139,3			

Table 10. Participation in ensuring food security: 10 group "Cereals"
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Ситуация в отношении внешнеторгового оборота продукцией ТЭК в неустойчивых государствах (см. *Таб. 11*) не такая однозначная, как с поставками зерна – среди них есть нетто-экспортеры энергоносителей в ведущие центры силы. Проявляется сходство моделей США и крупных азиатских стран, все они, обладая внешнеторговым дефицитом по 27 товарной группе, закупают энергоносители, в первую очередь, сырую нефть в рассматриваемых государствах, и масштабы этого импорта в целом соответствуют возможностям неустойчивых государств. Значимые исключения составляют поставки Китая в Зимбабве и Сирию, ЮАР – в ДРК и Зимбабве, что может быть связано с поставками угля, в добыче которого обе страны имеют конкурентные преимущества, и регионализацией торговых связей в случае ЮАР. Сложно поддаются интерпретации поставки Республики Корея товаров 27 группы в ЦАР и соответствующие чистые закупки Канады товаров 27 группы в Сирии и Чаде.

Несмотря на дефицит энергоносителей, ЕС и Турция осуществляют поставки минерального топлива, нефти и нефтепродуктов в Йемен, Сирию, Сомали, Судан и Центральноафриканскую Республику. Российская Федерация реализует свои национальные конкурентные преимущества и является чистым экспортером энергоносителей во все рассматриваемые государства, кроме Зимбабве и Центральноафриканской Республики.

Таблица 11

Участие в энергетической безопасности: 27 группа «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные»*

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Группа семи									
США	-1387,0	0,1	-970,8	-1056,5	-0,1		0,4	-16241,1	
ЕС-28	-484,8	1,5	1195,4	1846,8	0,7	-77,9	358,6	-643,2	2,6
Канада	0,0	0,0	0,1	-39,6		0,0		-104,6	0,0
Япония	0,1		-3065,9	-328,6		-5400,3		-790,2	-131,1
БРИКС									
Бразилия	-85,4	-108,2	0	-77,7		0,0	0,0		
Россия	0,7		78,7	1130,1	0,0	9,8		2,1	0,4
Индия	-226,2	3,4	-4536,5	-380,6	-0,2	-2233,7	0,1	-551,3	
КНР	-2624,9	3,7	-16366,1	3,2	0,0	-24958,4	0,0	-1332,5	-10397,3
ЮАР	750,9	1119,8	-499,9	0,0	0,0	2,7	0,0	1,7	0,0
МИКТА									
Мексика		0,0		-21,0					
Индонезия	-253,4		2,1	-0,5		-836,7			
Корея	-30,8	0,1	-6153,9	-280,7		-52,8	541,2	-19,7	
Турция	0,5	-4,8	6,7	1124,5	0,6	6,2	28,4	0,0	
Австралия	-11,5			0,0		3,1			

Table 11. Participation in energy security: group 27 "Mineral fuel, oil and products of their distillation; bituminous substances; Mineral Waxes"

** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data/*

Таблица 12

Участие в обеспечении военно-политической безопасности: чистое сальдо 93 группы «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», млн долл.*

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Группа семи									
США	1,5	0,2	7,5		0,0	0,0	0,1	0,5	0,0
ЕС-28	2,6	0,1	45,4	1,1	2,3	0,9	6,5	3,0	0,0
Канада		0,0		-0,2				0,1	
Япония									
БРИКС									
Бразилия	0,6					0,0			
Россия			35,0	1134,7		68,0			
Индия	0,0	0,0	0			8,2	0,0		
КНР	0,4	0,1	1,6	0,0	0,0	1,0		0,0	4,3
МИКТА									
Мексика		0,0							
Индонезия									
Корея			0,2	0,0				0,0	

	ДРК	Зимбабве	Йемен	Сирия	Сомали	Судан	ЦАР	Чад	Юж. Судан
Турция		0,1	6,7	5,9	1,1	6,7			
Австралия		0,0							

Table 12. Participation in ensuring military-political security: net balance of the 93 group "Weapons of ammunition; parts and accessories thereof", million dollars
** Источник: UN Comtrade Database / UN, 2019. Mode of access: https://comtrade.un.org/data*

Данные по поставкам вооружений ведущими центрами силы в неустойчивые государства также неоднородны *(см. Таб. 12*). При анализе данных необходимо учитывать, что особенности статистики внешней торговли товарами 93 группы ТН ВЭД «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», которые показывают трансграничное перемещение соответствующих товаров с коммерческими и некоммерческими целями. Таким образом, в отличие от данных Стокгольмского института исследования проблем мира (*Stockholm International Peace Research Institute*) речь идет не только о закупках, но и о перемещении вооружений на действующие в странах военные базы, а также в рамках миротворческих миссий и операций.

В рамках трансфера военно-политической безопасности ожидаемо отсутствие или минимальная вовлеченность государств, являющихся чистыми импортерами вооружений, а также стран с неустойчивым положительным сальдо по 93 группе, к этой большой группе относятся Канада, Япония, Мексика, Индонезия, Корея и Австралия. Тотальное и в большинстве случаев значимое присутствие во всех рассматриваемых странах отличает только Европейский союз.

В сфере интересов США находятся их поставщики минерального топлива, нефти и нефтепродуктов (товаров 27 группы), сходный вывод с определенной степенью достоверности можно сделать в отношении Бразилии, Индии и Китая. Так проявляется гипотеза, подтвержденная в работе В. Бове, К. Деиана и Р. Нистико[46] об обусловленности поставок оружия необходимостью закупок нефти. Поставки России значительны и сфокусированы на ее традиционных арабских союзниках – Сирии, Судане и, в меньшей степени, Йемене.

Подводя общие итоги второй части исследования, можно отметить, что ведущие акторы системы международных отношений, в том числе выявленные центры силы, активно взаимодействуют с наименее устойчивыми государствами, влияя на обеспечение и/или формирование условий их продовольственной, энергетической и военно-политической стабильности. Нейтральность данных торговой статистики проявляется и в том, что даже закупки ведущими центрами силы энергоносителей у наименее устойчивых государств могут рассматриваться в позитивном ключе, так как получение доходов от экспорта положительно влияет на ВВП этих стран и повышает устойчивость их экономических систем.

Категорированные авторами центры силы, в целом, активнее остальных акторов системы международных отношений, что особенно проявляется в случае Турции. Исключение составляет Бразилия, находящаяся вдали от зоны концентрации рассматриваемых государств.

Ряд центров силы и традиционных – США и Япония, и восходящих, в первую очередь, азиатских – Китай, Индия, Республика Корея во взаимодействии с проблемными государствами выступают с позиций экономической целесообразности, предоставляя те ресурсы «широкой» безопасности, которыми обладают сами, получая при этом доступ к необходимым энергоносителям. Россия, Европейский союз и Турция реализуют себя как «доноры», передающие неустойчивым государствам ресурсы, в том числе которые импортируют сами, таким образом, можно сказать, что в краткосрочном периоде они настроены менее меркантилистски и проявляют черты глобальных ответственных держав, с другой стороны, такое поведение может быть обусловлено большей географической близостью к макрорегионам концентрации неустой-

[46] Bove, V.; Deiana, C.; Nisticò, R. Global Arms Trade and Oil Dependence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 2018, Vol. 34(2), pp. 272-299.

чивых государств, и подобная поддержка позволяет купировать потенциально опасные очаги напряженности. Кроме того, странами может двигать стремление заложить основы долгосрочного экономического сотрудничества с неустойчивыми государствами, которые при решении их проблем могут трансформироваться в перспективные центры роста с учетом их ресурсного и демографического потенциала, а также географического положения.

Таким образом, данное исследование, несмотря на проблемы, обусловленные дефицитом внешнеторговых данных для ряда стран – держав «среднего уровня» Израиля, Ирана, Саудовской Аравии, в первую очередь, касающихся поставок вооружений, представляющих, по гипотезе авторов, инструмент реализации внешнеполитического контроля и/или предоставления гарантий безопасности, развивает представление о проблемах и перспективах формирования мирового порядка, возникающего в результате взаимодействия ведущих государств мира, в том числе в проблемных государствах.

Выводы

Формирование мирового порядка зависит от эффективности решения ведущими государствами мира, имеющими статус центров силы, проблем обеспечения безопасности наиболее неустойчивых государств планеты, формирующих в определённом смысле противоположный полюс системы международных отношений. Авторы полагают, что внешние поставки зерна, энергоносителей и вооружений – это своего рода элементы экономического и военно-политического влияния ведущих держав, которые они могут передавать другим государствам, в нашем случае – неустойчивым. При этом в метафорическом смысле поставки зерна обеспечивают социальную стабильность, обеспеченность энергоносителями дает возможности устойчивого роста, официальные поставки вооружений связаны, прежде всего, с поддержкой текущих политических режимов в странах-реципиентах.

По мнению авторов, исследование позволило расширить понимание таких важных для изучения международных отношений категорий, как «центр силы» и «восходящий центр силы», обобщить и дифференцировать стратегии ключевых традиционных и восходящих держав глобального и среднего уровня по отношению к неустойчивым государствам, обусловленных характеристиками как самих лидеров – потенциальных доноров «широкой» безопасности, так и принимающих сторон. Показано, что влияние России, ЕС и Турции имеет менее прагматичный с экономической точки зрения, скорее долгосрочно-ориентированный подход, в то время как США и азиатские страны решают в неустойчивых государствах вопросы критического для них обеспечения энергоносителями.

Таким образом, новизна методологического подхода авторов, состоящая в использовании в качестве прокси-переменные параметров трансфера военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности внешними акторами данных статистики межгосударственной торговли зерном, продукцией ТЭК и вооружениями, имеет существенный интерпретационный потенциал и развивает представления о структурных аспектах и тенденциях развития современной системы международных отношений.

Литература:

Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 34-47.

Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10 (4). С. 7-28.

Шлыков П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: Феномен МИКТА // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 127-144.

Bottelier, T.W. Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review,* 2017, 39 (5), pp. 751-769.

Bove, V.; Deiana, C.; Nisticò, R. Global Arms Trade and Oil Dependence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 2018, Vol. 34 (2), pp. 272-299.

Brandi, C. Club Governance and Legitimacy: The Perspective of Old and Rising Powers on the G7 and the G20 // *South African Journal of International Affairs*, 2019, No. 4, pp. 685-702.

Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Culp, J. How Irresponsible Are Rising Powers? // *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37 (9), pp. 1525-1536.

Destradi, S. Reluctant Powers? Rising Powers' Contributions to Regional Crisis Management // *Third World Quarterly*, 2018, Iss. 12, pp. 1-20.

Ghimire, S. Rising Powers and Security: a False Dawn of the Pro-south World Order? // *Global Change, Peace & Security,* 2018, No. 1, pp. 37-55.

Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics: A TWQ Journal,* 2016, No. 1, pp. 1-8.

Haas, R.A. World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguine Press, 2017. 352 p.

Hameiri, S.; Jones, L.; Heathershaw, J. Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy // *Third World Quarterly,* 2019, Iss. 8, pp. 1-20.

Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon,* 2003, 30 (1), pp. 165-181.

Kabandula, A.; Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly,* 2018, No. 12, pp. 1-20.

Larson, D.W. Status Competition among Russia, India, and China in Clubs: a Source of Stalemate or Innovation in Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, No. 5, pp. 1-18.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 6, pp. 1075-1090.

Newman, E.; Zala, B. Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational // *Third World Quarterly*, 2017, No. 5, pp. 871-888.

Nye, J.S. Jr. The Future of Power, New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

Nye, J.S. Jr.; Welch, D.A. Understanding Global Conflicts and Cooperation. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 2012. 338 p.

Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies,* 2013, 14 (4), pp. 774-796.

Organski, A.F.K. World Politics. New York: Alfred A. Knopf, 1958.

Ozkan, M. Does "Rising Power" Mean "Rising Donor"? Turkey's Development Aid in Africa // *Africa Review,* 2013, No. 2, pp. 139-147.

Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // Contemporary Politics, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking Through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs,* 2019, Iss. 4, pp. 1-22.

Rasul, G.; Sharma, B. The Nexus Approach to Water–Energy–Food Security: An Option for Adaptation to Climate Change // *Climate Policy,* 2015, Iss. 16 (6), pp. 682-702.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: A Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Thakur, R. How Representative Are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, Vol. 35(10), pp. 1791-1808.

References:

Bottelier, T.W. Of Once and Future Kings: Rethinking the Anglo-American Analogy in the Rising Powers Debate // *The International History Review*, 2017, 39 (5), pp. 751-769.

Bove, V.; Deiana, C.; Nisticò, R. Global Arms Trade and Oil Dependence // *The Journal of Law, Economics, and Organization,* 2018, Vol. 34 (2), pp. 272-299.

Brandi, C. Club Governance and Legitimacy: The Perspective of Old and Rising Powers on the G7 and the G20 // *South African Journal of International Affairs,* 2019, No. 4, pp. 685-702.

Cooper, A.F.; Alexandroff, A.S. Assessing the Variation of "Leader-Focused Status" in Contemporary Global Governance // *Contemporary Politics*, 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Culp, J. How Irresponsible Are Rising Powers? // *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37 (9), pp. 1525-1536.

Destradi, S. Reluctant Powers? Rising Powers' Contributions to Regional Crisis Management // *Third World Quarterly*, 2018, Iss. 12, pp. 1-20.

Ghimire, S. Rising Powers and Security: a False Dawn of the Pro-south World Order? // Global Change, Peace & Security, 2018, No. 1, pp. 37-55.

Gibert, M.V.; Grzelczyk, V. Non-Western Small States: Activists or Survivors? // *Third World Thematics*: A TWQ Journal, 2016, No. 1, pp. 1-8.

Haas, R. Jepoha bespoljarnogo mira (The Age of the Non-Polar World) // *Rossija v global'noj politike (Russia in global politics),* 2008, Vol. 6 (4), pp. 34-47.

Haas, R.A. World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguine Press, 2017. 352 p.

Hameiri, S.; Jones, L.; Heathershaw, J. Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy // T*hird World Quarterly,* 2019, Iss. 8, pp. 1-20.

Jordaan, E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon,* 2003, 30 (1), pp. 165-181.

Kabandula, A.; Shaw T.M. Rising Powers and the Horn of Africa: Conflicting Regionalisms // *Third World Quarterly,* 2018, No. 12, pp. 1-20.

Larson, D.W. Status Competition among Russia, India, and China in Clubs: a Source of Stalemate or Innovation in Global Governance // *Contemporary Politics,* 2019, No. 5, pp. 1-18.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 6, pp. 1075-1090.

Newman, E.; Zala, B. Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational // *Third World Quarterly,* 2017, No. 5, pp. 871-888.

Nye, J.S. Jr. The Future of Power, New York: Public Affairs, 2011. 320 p.

Nye, J.S. Jr.; Welch, D.A. Understanding Global Conflicts and Cooperation. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 2012. 338 p.

Oğuzlu, T. Making Sense of Turkey's Rising Power Status: What Does Turkey's Approach Within NATO Tell Us? // *Turkish Studies,* 2013, 14 (4), pp. 774-796.

Organski, A.F.K. World Politics. New York: Alfred A. Knopf, 1958.

Ozkan, M. Does "Rising Power" Mean "Rising Donor"? Turkey's Development Aid in Africa // *Africa Review,* 2013, No. 2, pp. 139-147.

Parlar Dal, E. Status-Seeking Policies of Middle Powers in Status Clubs: The Case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics,* 2019, Iss. 5, pp. 1-17.

Parlar Dal, E.; Dipama, S. G20 Rising Powers' Status Seeking Through Social Creativity: The Case of South-South Development Cooperation // *South African Journal of International Affairs,* 2019, Iss. 4, pp. 1-22.

Rasul, G.; Sharma, B. The Nexus Approach to Water–Energy–Food Security: An Option for Adaptation

to Climate Change // *Climate Policy*, 2015, Iss. 16 (6), pp. 682-702.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: A Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Shelepov, A.V. BRIKS i mezhdunarodnye instituty: modeli vzaimodejstvija v processe osushhestvlenija mnogostoronnego upravlenija (BRICS and International Institutions: Models of Interaction in the Process of Implementing Multilateral Governance) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij (Bulletin of international organizations)*, 2015, Vol. 10 (4), pp. 7-28.

Shlykov, P.V. Poisk transregional'nyh al'ternativ v Evrazii: Fenomen MIKTA (Search for trans-regional alternatives in Eurasia: The phenomenon of MIKTA) // *Comparative Politics Russia*, 2017, Vol. 8 (4), pp. 127-144.

Thakur, R. How Representative Are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, Vol. 35 (10), pp. 1791-1808.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036

LEADING TRADITIONAL AND RISING POWERS AS SECURITY PROVIDERS IN THE WORLD MOST FRAGILE STATES

Mariia L. Gorbunova

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Igor D. Komarov

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Article history:

Received:

23.01.2020

Accepted:

03.04.2020

About the authors:

Mariia L. Gorbunova, Dr. of Economics,
Head of Department for International Economics and Customs Affairs, Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

e-mail: skpfox@yandex.ru

Igor D. Komarov, Candidate of History,
Deputy Director, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

e-mail: igor.komarof@gmail.com

Key words:
power centers; traditional power centers; rising power centers; security; military security; food security; energy security; foreign trade; fragile states; Very High Alert status

Abstract: The article explores the resource capabilities and strategies the traditional and rising powers use to bring food, energy and military-political security to the world most fragile states. There is a certain complementarity in the relations between both the mentioned actors in international relations, since the negative externalities forming in and around fragile states require resources that could be provided and effectively provided by the world most powerful countries. The assumption that the key characteristic of a power (center) is a capability to translate outside military-political security allowed to the authors to categorize the USA, EU and, with certain restrictions, Japan as traditional centers of power; while Russia, China, Brazil, Turkey, and, to a lesser extent, India and Korea as rising ones. In terms of quantitative parameters, the United States, the EU, India and Russia have the resources to ensure food security, while Russia is the only major power that has a net surplus in energy foreign trade. Russia's comprehensive resource capability in the context of "broad" security supports its leadership status in its efforts to stabilize and maintain the world order. Considering the behavioral and not resource aspect, the strategies of global and middle powers in the world most fragile states, with the exception for the EU and Turkey, correspond to their resource capabilities. Both deliver mineral fuels as well as Turkey supplies crops to fragile countries having overall deficit of such commodities. This may indicate that these centers of power as well as Russia implement the "donor" strategies conceptualized in the literature for the rising powers of the modern world order.

Для цитирования: Горбунова М.Л., Комаров И.Д. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 3. – С. 57-74.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036

*For citation:*Gorbunova, Mariia L.; Komarov, Igor D. Vedushchiye tsentry sily v obespechenii bezopasnosti neustoychivykh gosudarstv mira (Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States) // *Comparative Politics Russia,* 2020, No. 3, pp. 57-74.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036